

ЭЛИТИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ в конце XIX - начале XX вв.

ELITES PARADIGM IN RUSSIAN SOCIAL-POLITICAL THOUGHT OF THE End of XIX - the Beginning of the XX Century

A. Ponedelkov

Annotation

In the article approaches of the Russian philosophers to consideration of the principles of existence of elite are analyzed. The author considers dependence of development of elitological thought on civilization experience and its originality, and also on a dominating cultural and world outlook matrix.

Keywords: Elite, ruling class, public administration, cultural and world outlook matrix.

Понеделков Александр Васильевич

*Д.п.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Зам. директора Южно-Российского
института – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация

В статье анализируются подходы русских философов к рассмотрению принципов существования элиты. Автор рассматривает зависимость развития элитологической мысли от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующей культурно-мировоззренческой матрицы.

Ключевые слова:

Элита, правящий класс, государственное управление, культурно-мировоззренческая матрица.

В настоящее время в нашей стране разрабатывается научная концепция новой, демократической элиты, делаются первые шаги по ее реализации (см., напр.: [12]). Анализ элитологической мысли в ее западной, восточной (которая изучена значительно хуже) и российской версиях показывает их существенную зависимость от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующей культурно-мировоззренческой матрицы. Если западная культурно-мировоззренческая матрица строится на таких опорных категориях, как: "индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум", то восточная – на: "государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность".

Своеобразие российской культурно-мировоззренческой матрицы образуют такие базовые элементы, как "общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость" (см., напр.: [4]). Именно поэтому нам представляется целесообразным при разработке научной концепции демократической элиты опираться на теоретическое наследие не только западной, но и отечественной социологии.

Начиная с древних времен, у русских мыслителей культивируется мысль о роли управленческого окружения князя в государственных делах. Главным критерием отбора в это окружение является государственная мудрость, в основе которой лежит забота об общественном благе и соблюдении законности. С хорошими управлен-

цами князь, как правило, успешно справляется с государственными делами, без них наступает нестабильность, нередко ведущая к расколу и смуте.

В XVII–XVIII вв. русской общественной мыслью рассматривается учение о равновесии в отношениях между управляемыми и управляющими как основе функционирования государственного механизма. Суть этого равновесия проста: управляемые безоговорочно повинуются управляющим, а те, в свою очередь, обеспечивают всеобщее благоденствие и безопасность (см. подробнее: [8]).

В XIX в. русские социологи разрабатывают учение о преимуществах эволюционного развития, реформ, по сравнению с революциями, которые на русской почве вырастают в кровавые и бессмысленные бунты, приносящие людям страдание и тормозящие общественное развитие.

Категориальный аппарат, использованный русскими философами, общественными и политическими деятелями, историками и социологами при анализе проблематики, так или иначе связанной с проблемой элиты, существенно отличался от понятий западных мыслителей. Тем не менее, существо проблем, рассматриваемых как теми, так и другими, в принципе, совпадало.

Подходы же к ним были разные, и это естественно, – в

произведениях отечественных мыслителей отражалась национальная специфика, русский менталитет. Органическое соединение теоретического наследия западных и отечественных элитологов, его творческая переработка с учетом национальной специфики помогут ускорить этот процесс, сделать его более продуктивным, управляемым и устойчивым, избежать многих ошибок.

Интересны и оригинальны взгляды на элиту крупнейшего отечественного историка В.О. Ключевского. Проблемами элит он интересовался и высказывался по их поводу в течение нескольких десятилетий, придя к выводам, аналогичным взглядам признанных классиков западной элитологии Г. Моски и В. Парето, только значительно раньше этих западных мыслителей.

Круг научных интересов Ключевского очень широк: социальная и экономическая история, историография, философия, социология, этнография. Рассмотрим его творческое наследие с позиции политологии, как автора весьма оригинального подхода к анализу того, что теперь называется элитой.

В 1880–1881 гг. Ключевский опубликовал значительную часть своей докторской диссертации "Боярская дума Древней Руси" в журнале "Русская мысль", а в 1882 г. в переработанном виде издал ее отдельной книгой. Уже в этой работе, а несколько позже – в курсе лекций по русской истории, прочитанным им в Московском университете и Московской духовной академии, профессором которых он стал с ноября 1882 г., В.О. Ключевский характеризует боярство как "правлящий класс" (См.: [2; 3]).

В порядке преемственности в развитии, на смену титулованному боярству пришел новый правящий класс – высшее дворянство, в основном столичного происхождения: "Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в обращении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко по краткосрочным отпускам заглядывая в глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкло чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел. Видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство". Правящая дворянская элита имела тройное государственное значение – военное, административное и хозяйственное.

В петровские и последующие времена, особенно в золотой для дворянского сословия век правления "матушки-императрицы" Екатерины II, высшее дворянство оставалось правящим классом. И лишь со второй половины XIX в. особенно после великого передела 1861 г. начина-

ется кризис дворянства как элиты русского общества.

Не меньшее, если не большее место, чем идея правящего класса в концепциях Моски и Парето, занимает идея "циркуляции", т. е. вечного круговорота элит.

Как этот вопрос поставлен у Ключевского? В схеме развития властных отношений в обществе изменению, по Ключевскому, подвергается лишь форма связи между управляющими и управляемыми: содержательная же сторона, т.е. само это деление на властвующих и подчиняющихся остается неизменной. Если "основанием каждого последующего деления общества становились последствия, вытекающие из деления предыдущего", то фундаментом, первоосновой этого деления, его связующим звеном всегда было "первоначальное политическое деление на управителей и управляемых". Как видим, Ключевский не пользуется такой терминологией, как "циркуляция или круговорот элит", но в содержательном отношении в его концепции речь идет именно об этом.

Большое внимание в теории "правлящего класса" Моска уделяет "политической формуле", которая является идеологической легитимизацией власти. Когда политическая формула находится в гармонии с менталитетом данной эпохи и с наиболее распространенными среди данного народа чувствами, ее польза становится неоспоримой, поскольку очень часто она означает такие рамки действий людей, которые управляют и известным образом облагораживают послушание, такое послушание, которое не может возникнуть исключительно из-за физического принуждения. Политическая формула должна удовлетворять потребность человека верить в то, что он подчинен не каким-то конкретным личностям, но общему моральному принципу, который и позволяет конкретным личностям осуществлять функции управления.

У Ключевского такой терминологии, как "политическая формула" мы не встречаем, но очень близкое к нему в содержательном отношении положение можно найти: "Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившегося соотношения его нравственных и материальных средств".

Существующий в обществе порядок, по Ключевскому, следует рассматривать не как результат свободного выбора людей из множества возможных вариантов, а как сложившуюся объективно историческую необходимость, как единственно возможный в данных конкретно-исторических условиях вариант правления: "Существующий порядок... не есть лучший из многих возможных, а единственно возможный из многих лучших".

Не менее важной для теории Моски является категория "юридической защиты" как социального механизма, регулирующего дисциплину нравственного чувства. В ос-

нове понятия юридической защиты лежит концепция государства, понимаемого как организм, возникающий в результате равновесия множества политических и социальных сил, страстей и чувств людей. Важное место в доктрине занимает понятие "юридической защиты", которая возможна лишь, если существует "баланс социальных сил" и, следовательно, правление права, использующего "относительную справедливость".

С юридической защитой, констатирует Ключевский, у нас на Руси вопрос всегда стоял очень остро, начиная от тиунов боярских времен, призванных к соблюдению правовых норм на местах, к наведению суда скорого и правого, но слывших в народе главными нарушителями закона; до настоящего времени, когда русский народ, по-прежнему, убежден: "где суд, там и неправда". "Не я, – говорит он, – виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права" [3].

Законов в России издавалось более чем достаточно и по форме выглядели они никак не хуже западноевропейских. Но все дело в том, что власти западных стран научились строить всю систему государственного управления на основе неукоснительного выполнения не только формальной, но и содержательной стороны принятых в обществе законов. В России же главный акцент государственная власть всегда делала на формальном выполнении законов, тоже носивших, как сказано выше, в основном, формальный характер. В результате такого формализма "у нас выработалась низшая форма государства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат государства... фактическая власть могла издавать распоряжения, носившие наружность и название законов". Не случайно, и сегодня сохраняет свою актуальность задача "улучшения языка правотворчества. Его надо сделать ... хотя бы понятным для адресатов норм" [9, с. 49].

Западным властным структурам путем построения правового государства удалось сбалансировать интересы управляемых и управляющих. В России же, не сумевшей этого сделать, интересы правящих верхов и управляемых низов общества всегда были диаметрально противоположными: "общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: "Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось". Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: "Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами" [3].

Особенностью российского менталитета в связи с

этим является отсутствие навыков быть не только законопослушными, но и отстаивать, при необходимости, свои гражданские права: "Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон". Вот этой, говоря языком Моски, "социальной активности", у русских людей и не хватает. Мы – нация созерцателей, а не социального действия: "Мы много передумали, о чем прежде никто у нас не думал, но то, до чего мы додумались, было чисто знание без практического приложения. Мы стали более знающими, но еще не успели стать более умелыми. Мы привыкли смотреть на общественный порядок с фасада, какой показывало нам начальство, а теперь нам позволили, даже предписали заглянуть на него с заднего крыльца: мы увидели, как строится он, на чем держится и чем движется. Узнать – это значит узнать много, но нужно еще больше подумать, чтобы суметь воспользоваться этим знанием, выучиться строить, и двигать общественный порядок. С большим грузом знания, но с прежним недостатком умения мы стали резонерами, не сделавшись дельцами... Мы музыканты, отвыкшие играть вследствие привычки размышлять о музыке" [3].

Это положение Ключевского не потеряло своей актуальности и для нынешнего развития нашей страны. Он прав, Россия по-прежнему страдает социальной пассивностью и до сих пор не научилась строить своими собственными руками свой порядок; а все ждет, что кто-то придет и сделает это за нас [10].

Ключевский стал очевидцем созыва первой Государственной Думы, в которую вошел ряд серьезных политических деятелей, таких как его университетский ученик, один из лидеров партии конституционных демократов (кадетов) П.Н. Милюков и др. В Думе он увидел тот инструмент, посредством которого можно было сдвинуть с мертвой точки указанные выше проблемы. С юношеским задором и надеждой Ключевский писал: "Ключ дан, замок отперт, дверь отворена, и свежий воздух пахнул на вековую пыль. Выбирайте людей, которые спокойно, ровно ступая по твердой законной почве, не порываясь, стремились вперед и, не пятясь назад, во имя закона сделают Думу могучим оплотом законности, мира и преуспеянья".

Надеждам Ключевского не суждено было сбыться. Государь стали разгонять Думы одну за другой. Но после длительного перерыва Дума возрождена, и мы тоже желаем ей стать "оплотом законности, мира и преуспеянья".

Размышляя о соотношении формального и содержательного элементов верховной власти, Моска пришел к выводу, что официальное ее проявление – это форма, а то, что мы теперь называем "команда" – это главная, содержательная сторона. Ключевский тоже считает, что, если, скажем, речь идет о верховной власти короля, то главное в этой власти – двор: "Верховной власти нет как источника прав и полномочий, она только штампель на

актах прав и полномочий, не политическая сила, а механический сертификат. Настоящая верховная власть есть двор".

Власть должна быть направлена на общее благо – под этим подпишется, пожалуй, любой политолог. Не чужды этому утверждению и рассматриваемые нами авторы. Плохо только то, – сетует Ключевский, – что управляемые не научились еще по-настоящему ценить значимость власти, направленной на общее благо и начинают ее замечать лишь тогда, когда у них в жизни что-то не ладится: "История – это власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благоденствия".

К западной традиции рассмотрения проблемы элиты ближе других русских исследователей подошел философ и социолог Н.А. Бердяев. Он считал, что с сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархов и демократии, эпох реакционных и революционных. Из управления меньшинства нет выхода, и все демократические попытки создать царство большинства в сущности являются жалким самообманом.

Вопрос лишь в том, правит лучшее или худшее меньшинство, а в принципе одно меньшинство сменяется другим, свергают ли лучшие худших или наоборот. Непосредственное управление и властвование масс возможно лишь как момент стихийных массовых действий во время революций и бунтов. Но затем все очень быстро возвращается в прежнюю колею: образуется новое меньшинство, которое захватывает в свои руки власть.

В революционные эпохи обычно правит кучка демагогов, которая ловко пользуется инстинктами масс. Революционные правительства, почитающие себя народными и демократическими, всегда бывают тиранией меньшинства. Революционная бюрократия обычно бывает еще ниже той старой бюрократии, которую революция свергает: "Господство черни создает свое избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства" [1, с. 127].

Революционная масса всегда бывает лишь атмосферой для осуществления этой тирании меньшинства. Вопрос в реальной действительности идет лишь об одном: восторгается ли хорошее меньшинство – аристократия, или плохое меньшинство – охлократия [6].

На выполнение роли аристократии может претендовать как буржуазия, так и пролетариат. Но аристократические претензии пролетариата превосходят претензии всех других классов, ибо пролетариат, по учению его

идеологов, должен сознавать себя классом – мессией. Но всякое желание войти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего по существу своему неаристократично. Бердяев был твердо убежден в том, что "возможен только лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога. Миссия истинной аристократии не столько восходит к еще не достигнутым высшим состояниям, сколько нисходит к состояниям низшим" [1, с. 127].

Какими же качествами обладает истинный аристократ, т. е. аристократ от Бога? По мнению Бердяева, это такие качества, как щедрость, готовность служить человечеству в целом и каждому отдельному человеку, жертвенность, благородство, талантливость, чувство собственного достоинства.

Учение об аристократизме Бердяев напрямую связывает с христианством. Аристократизм человека как высшая иерархическая ступень бытия, есть аристократизм богосыновства, аристократизм благородно рожденных сынов Божьих. Вот почему христианство – религия аристократическая, религия свободных сынов Божьих, религия дарованной благодати Божьей. Учение о благодати – аристократическое учение. Не аристократична всякая психология обиды, всякая психология претензии. Это – плебейская психология. Аристократична психология вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. Аристократ должен чувствовать, что все, что возвышает его, получено от Бога, а все, что унижает, – результат его собственной вины. Это прямо противоположно той плебейской, неблагородной психологии, которая все возвышающее чувствует благоприобретенным, а все унижающее – обидой и виной других. Тип аристократа прямо противоположен типу раба, это разные душевные расы.

Аристократия, по Бердяеву, делится на экзотерическую и эзотерическую. Экзотерическая аристократия образуется и действует во внешнем историческом плане, в ее проявлениях есть уловимая закономерность и природно-биологическая основа. Эзотерическая аристократия образуется и действует во внутреннем, сокровенном плане. В явлениях эзотерической аристократии нельзя уловить такой закономерности, как у аристократии экзотерической, она принадлежит к царству духа, а не к царству природы. Эзотерическая аристократия образует в истории как бы таинственный орден, в котором значитесь все творчески великое.

Аристократия экзотерическая действует в среднем царстве государственного и культурного бытия. Глубже ее, за ней стоит эзотерическая аристократия, высшая духовная аристократия, в которой зачинается всякое творчество, всякое открытие и откровение, в которой человек переходит за грани этого мира. Высшая духовная аристократия "есть царство святости, гениальности и рыцар-

ства, царство великих и благородных, высшая человеческая раса" [1, с. 139].

Подбор благородных черт характера совершается тысячелетиями. Уничтожение феодального строя на Западе не было полным уничтожением тех духовных черт, которые были выработаны феодальным рыцарством. В рыцарстве выковывалась личность, закалялся характер, формировались те качества, о которых речь уже шла выше: благородство, чувство собственного достоинства, честность, жертвенность. Этим чертам начали подражать и другие социальные слои. Окончательная смерть рыцарского духа стала бы деградацией человечества.

К нашему горю, – утверждает Бердяев, – в русской истории не было рыцарства. Этим объясняется тот факт, что личность у нас не была достаточно выработана, что закал характера не был достаточно крепок. Слишком большим оставалось в России влияние изначального коллективизма. Многие русские мыслители гордились тем, что в России не было настоящей аристократии, что страна наша естественно демократична, а не аристократична. Да, прекрасен наш демократизм, наша простота и многие другие качества русского характера. Но при отсутствии аристократизма остро чувствовалась слишком большая зависимость от темной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества людей руководящее нравственное начало.

И все же неправильно было бы отрицать огромное значение дворянства в духовном развитии России. Пушкин, Лермонтов, декабристы, Толстой, Достоевский, безусловно, являлись носителями аристократического духа. Но затем, к сожалению, восторжествовал нигилизм, докатившийся до коммунистического хамства.

Учение о дворянстве как аристократии или элите России развивал и другой русский мыслитель – П.А. Сорокин. Он считал, что в России была своя элита или аристократия, – это дворянство. Были времена, когда оно успешно выполняло важные функции администрирования, суда, защиты отечества, т. е. целиком было поглощено государственными делами. Тогда его привилегии были обособлены, "но к концу XVIII в., после издания указа о вольности дворянства при сохранении всех привилегий, начался процесс вырождения. Потихоньку класс превращался в социального паразита, а его претензии – в необоснованные злоупотребления. Подавляющее большинство дворян попросту растрчивали богатства, накопленные их предками, время от времени выкачивая дополнительные средства из государственной казны. Когда же на миг возростала активность дворянства, как было, к примеру, в 1905 г., ее порождала не столько забота о благополучии страны, сколько примитивно хищнические интересы" [11, с. 290].

Вот почему не стоит удивляться приговору истории,

вынесенному русскому дворянству. Не удивляет и полное отсутствие у дворянства энергии и сил к самозащите, в том числе и у самого высокого дворянина – царя. Гибель русского дворянства произошла без всякого героизма. Нечто подобное можно было наблюдать и в других странах. Все это наводит на мысли о том, что одной из главных причин революции является вырождение элиты общества. История "терпит" хищнические, жестокие, циничные правительства до той поры, пока они хотят и знают, как управлять государством. Несмотря на негативные стороны их правления, они полезны обществу. Но бесстрашные и "добрые", высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит.

Происходит постепенное вырождение правящей элиты. Так, отпрыски талантливых правителей – дворян уже совершенно не похожи на своих предков и вместо того, чтобы быть правителями "божьей милостью", становятся, вследствие полного отсутствия управленческого таланта, "рабами от рождения". Подобное вырождение всегда очень опасно для любого общества, а в периоды кризиса оно предвещает катастрофу.

Существенный интерес представляет собой сорокинская теория "головастики" – отпрысков угнетенной части населения, рождающихся с качествами "прирожденных правителей".

Если власть передается по наследству, без учета присутствия или полного отсутствия таланта управления у тех, кто наследует власть, а "головастики" низших классов так за всю жизнь и не могут прорваться к рычагам управления, то социальный баланс нарушается. Когда аристократия, – пишет Сорокин, – сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры не нужны для защиты ее от посягательства со стороны "выскочек". Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах ощущается такая же острая необходимость, как в костыле для инвалида.

В периоды застоя вырожденцы правящего класса прибегают к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду "головастиков" из низов. Так, накануне революции 1905 г. правящий класс России упорно тормозил процесс выдвижения талантливых "самородков" из низших слоев, не желая урезать себя во властных правах.

Нетрудно догадаться, что благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются бездарные правители, а "головастики" у основания пирамиды становятся все больше и больше. Давление правящих, возводящих все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, а соответственно – возрастает чувство "подавленности" внизу. Напряжение в обществе растет, оно подходит к стадии открытого взрыва, конфликта.

Когда же наступает революционный взрыв, – полагают Сорокин, – то все барьеры и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом. Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виноват, а кто нет. В мгновение ока "привилегированное" оказывается сброшенным с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих "социальных подвалов".

В "сите" селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникать все индивиды безо всякой дискриминации. Но на второй стадии революции возникает новое "сито". "Головастики", достигшие вершин, сливаются с остатками неразложившейся дореволюционной аристократии, идет процесс формирования новой элиты. И пока она не дошла до паразитизма, разложения, общество развивается мирным путем, без революций. Если "головастиков" у основания общественного конуса недостаточно или же они вообще отсутствуют, т. е. нет реальной замены вырождающейся власти, общество впадает в глубокую депрессию. Этот круговорот Сорокин рассматривает как продукт векового приспособления человечества к окружающей среде.

Итак, в XIX в. русские социологи разрабатывают учение о преимуществах эволюционного развития, реформ, по сравнению с революциями, которые на русской почве вырастают в кровавые и бессмысленные бунты, приносящие людям страдание и тормозящие общественное развитие. Были, конечно, и те, кто "к топору звали Русь", но о них написано уже так много, что мы не сочли нужным повторяться.

В этот период выдвигается идея о том, что пока не построено правовое государство, в системе государственного управления, помимо официальной власти, необходимо присутствие общественного элемента как противовеса чиновничеству в целях развития его положительных и нейтрализации отрицательных качеств. Выдвигаются интересные идеи о закономерностях ротации управленческих кадров. Предпринимаются попытки преодоления сложившегося в общественном сознании стереотипа о том, что бюрократия, т. е. чиновничество, обладает исключительно отрицательными свойствами, что в ее действиях нет ничего положительного.

Но особенно интенсивно идеи, связанные с проблемой элиты, развивались русскими мыслителями в конце XIX – начале XX в. Так, была развеяна иллюзия, что во время революционных потрясений наступает момент непосредственного правления масс. На самом же деле, ходом событий управляет хорошо организованное меньшинство, которое ловко камуфлируется под защитников и выразителей интересов народа, демагогов, умело манипулирующих настроением масс.

Если до революционного переворота правящая элита

производит строгий отбор кандидатов в свои ряды, то во время революционной неразберихи "хаммам", рвущимся к власти, удастся прорвать это "сито" отбора и, оттеснив "аристократов духа", оголтелой толпой влиться в новую элиту. Вот почему революционная бюрократия, как правило, бывает еще ниже той старой бюрократии, которую революция низвергает.

Человек, затаивший глубокую обиду на несправедливость его прошлой жизни, получив всю полноту власти, отыгрывается, как правило, не столько на своих непосредственных обидчиках, сколько на ни в чем не повинных людях. Вот почему более взвешенную, разумную, гуманистическую позицию во вновь формирующейся элите занимают люди, не страдающие синдромом отмщения за прошлые обиды.

Нетрудно понять, что благодаря подобной политике на вершине общества аккумулируются "базарные" правители, а "головастиков" у основания пирамиды власти становится все больше и больше. Давление правящих, возводящих все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, соответственно – возрастает чувство "подавленности" внизу.

Напряжение в обществе растет, оно подходит к стадии открытого конфликта. Чтобы избежать этого, нужно разумно и своевременно регулировать процесс обновления элиты, нужно не дожидаться появления в низах "самородков", обладающих талантом управления, а бережно растить управленческие кадры, готовить резерв на будущее [7, с. 31–32].

Итак, изучение доктринальных предпосылок российского элитизма позволяет констатировать позитивные и негативные (или подаваемые как негативные) инвариантные черты деятельностных стереотипов и ценностных ориентаций российских элит. К ним относятся патернализм и полицейзм, чиновный корпоративизм и авторитаризм, "указно-порученческое" право и государственная (революционная, реформаторская) целесообразность, баскачество и высокомерно-сервильный комплекс, утопизм и социальное нетерпение – с одной стороны; патриотизм и толерантность к другим культурам, государственничество и самоотверженность в отстаивании национальных интересов и ценностей – с другой.

Изучение многообразных версий элитологических концепций западного, восточного и российского происхождения раскрывает и большой эвристический потенциал, и наличие объективных референтов в любой цивилизации.

Мы убеждены, что анализ истории российских элит: политической, экономической, военной, административной – следует основывать на определенных методологи-

ческих принципах и инструментальных подходах к их выявлению, типологизации, описанию, рассмотрению механизмов генезиса и воспроизводства. Учет принципа цивилизационного своеобразия позволяет, с одной стороны, соотносить развитие и смену элит России с особенностями ее исторического развития и политического управления: традициями, ментальными и ценностными архетипами. С другой стороны – не переносить схемы и разработки западного элитизма механически на российские реалии.

Западный элитизм развивался в ином цивилизационном русле, имея в качестве стержня взаимосвязь структур гражданского общества и государства, богатый опыт и традиции демократических институтов, наличие различных центров политической активности и власти.

Российский опыт не включает развитие традиции гражданского общества. В отечественной истории центрирующую общество роль всегда играло государство, а политическое управление доминировало над экономическим. Традиционно довлеющими были позиции политико-административной элиты. Цивилизационная и гео-

политическая специфика России и в наше время разрушает попытки перенесения на ее почву западно-ориентированных схем и механизмов социального развития и управления. Все это является свидетельством того, что России следует ориентироваться, прежде всего, на реализацию не революционных, а эволюционных сценариев развития российской государственности, построенных на согласовательном процессе между основными политическими игроками, идеологами компромисса [5, с. 26].

Изучение доктринальных предпосылок российского элитизма позволяет констатировать позитивные и негативные (или подаваемые как негативные) инвариантные черты деятельностных стереотипов и ценностных ориентаций российских элит. К ним относятся патернализм и полицеизм, чиновный корпоративизм и авторитаризм, "указно-порученческое" право и государственная (революционная, реформаторская) целесообразность, баскачество и высокомерно-сервильный комплекс, утопизм и социальное нетерпение – с одной стороны; патриотизм и толерантность к другим культурам, государственничество и самоотверженность в отстаивании национальных интересов и ценностей – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.И. Философия неравенства. М., 1990.
2. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.
4. Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт (генезис кризисов природы и общества в России). М., 1993.
5. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: Сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 16–27.
6. Ледяев В.Г. Политика и власть // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1. С. 57–70.
7. Понеделков А.В. Политическая компетентность в системе государственного управления: критерии, уровни, технологии реализации // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 22–32.
8. Понеделков А.В. Элиты в истории отечественной общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 2. С. 26–35.
9. Путин В.В. Демократия и качество государства // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 45–57.
10. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 6–16.
11. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
12. Чирикова А.Е. О понятии "элита": есть ли выход из тупика определений? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 77–88.